

УДК 342.3
ББК 67.400.51

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРТАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я. А. Коновальчиков

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия)
[https:// orcid.org/0000-0002-1739-7126](https://orcid.org/0000-0002-1739-7126)

В статье обосновывается особая роль политических партий в укреплении политического суверенитета России, исследуется влияние на этот процесс применяемых ими политических технологий. Автором проводится параллель между событиями начала 90-х гг. прошлого века, когда происходило формирование России как самостоятельного демократического федеративного правового государства, и настоящим временем, когда происходит отстаивание нашей национальной идентичности, конституционных ценностей и границ. Указанные периоды объединяет потребность в укреплении суверенитета. В статье поставлен вопрос о сложности правового регулирования политических технологий в связи с необходимостью учета применяемых в них психологических приемов манипуляции, а также постепенным сращиванием политических технологий с технологиями виртуального мира. Отмечены негативные тенденции в партотенезе, связанные с распространением популистских партий и партий медианного избирателя, не опирающихся на конкретную политическую идеологию. В качестве средства преодоления кризисных явлений, оказывающих непосредственное влияние на фортацию политического суверенитета России, необходимо использовать межотраслевой подход, формально-юридически выраженный в усилении гарантий законной политической борьбы между политическими партиями.

Ключевые слова: политические партии, политические технологии, партотенез, политический суверенитет, манипуляция, партия власти

Благодарности: Статья выполнена на основе доклада автора на Международной научно-практической конференции «Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси» (Барнаул, 22 мая 2025 г.).

POLITICAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF STRENGTHENING THE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ya. A. Konovalchikov

Siberian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA) (Novosibirsk, Russia)
[https:// orcid.org/0000-0002-1739-7126](https://orcid.org/0000-0002-1739-7126)

The author examines the role of political parties in strengthening the political independence of the Russian Federation and analyzes the impact of political technologies on the sovereignty of the state. Using a historical perspective, the author compares two periods: the establishment of Russia as a democratic federal state in the 1990s, governed by the rule of law, and the current period, when Russia is seeking to protect its national identity and constitutional values. Legislative regulation of political technologies is a difficult task, since political technologies often use methods of psychological manipulation. Currently, virtual space is actively used in political activities. In recent years, there has been an increase in the popularity of populist parties and parties of the median voter, which lack a clear political ideology. This may negatively affect the political independence of the State. It is essential to address the issue of enhancing the political independence of the state. To this end, a comprehensive approach should be adopted. Additionally, it is crucial to strengthen measures to ensure the legitimacy of political contestation between political parties.

Keywords: political parties, political technologies, pathogenesis, political sovereignty, manipulation, party of power

Acknowledgements: The article is based on the author's report at the International Scientific and Practical Conference "Legal support of technological Sovereignty of Russia and Belarus" (Barnaul, May 22, 2025).

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)3.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)3.7)

Роль политических партий в обеспечении суверенитета Российской Федерации обусловлена их правовой природой и стоящими перед ними задачами. Суверенитет государства предполагает верховенство и независимость государственной власти, что позволяет самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику без вмешательства извне. В науке конституционного права говорят о различных видах суверенитета — государственном, народном, политическом, технологическом и т.д. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст. 3 Конституции Российской Федерации). Согласно Федеральному закону от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» партия создается в целях участия граждан в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах публичной власти. В доктрине конституционного права определено, что политическая партия имеет двойственную правовую природу, поскольку является как институтом гражданского общества, так и частью государственной властно-политической системы [1]. Это значит, что политические партии в той или иной мере отвечают за политический суверенитет.

Рассуждая на тему фортации¹ суверенитета Российской Федерации, возможно провести историко-юридическую параллель между событиями начала 90-х гг. прошлого века и настоящим временем, поскольку именно в эти периоды вопрос суверенитета является основным: формирование России как самостоятельного демократического федеративного правового государства в 90-е гг., и отстаивание нашей национальной идентичности, конституционных ценностей и границ в 2020-е гг. Соответственно, в эти сложные времена роль политических партий в обеспечении политического суверенитета возрастает.

В своей деятельности как в выборный, так и в межвыборный период политические партии широко применяют различные политические технологии. К сожалению, в обществе сложилось достаточно негативное отношение к этому явлению, чему есть вполне логичное объяснение, о чем будет сказано дальше. Итак, политические технологии — это совокупность методов, инструментов и стратегий, используемых для управления общественным мнением, влияния на политические процессы и достижения политических целей. Учитывая это понятие, политические технологии, как правило, подразумевают использование психологических приемов манипуляции, которые сложно заключить в нормативные рамки. В свою очередь, вопрос о правовом регулировании и установлении правовых пределов применения политических технологий неоднократно ставился учеными-юристами, по мнению которых, суть некоторых из них близка к злоупотреблению правом, т.е. заведомо недобросовестному осуществлению прав, совершению действий с одним лишь намерением причинить вред другому (так называемая шикана), действиям в обход закона с противоправной целью [2].

Итак, вернемся в 90-е гг. прошлого века. Партийную систему России того периода принято характеризовать как незавершенную, при которой большинство политических партий создавались накануне очередных парламентских выборов под конкретного лидера, не имели четкой программы и поддержки избирателей [3]. С Запада хлынули различные политические технологии и политтехнологии, и неискушенному отечественному избирателю было сложно во всем разобраться. Именно в этот период появились такие «черные» политические технологии, как:

¹ Указанный термин заимствован из Указа Петра I от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских» и буквально означает «укрепление».

1) технология «политических локомотивов», которая предполагает включение в общефедеральную часть списка кандидатов лиц, занимающих высшие должности или имеющих значительный авторитет среди населения, но не имеющих реального намерения избраться, что дает им возможность участвовать в предвыборной агитации, а политической партии — бесспорное преимущество перед другими партиями. Ярким примером может служить ситуация на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва, когда после установления общих результатов голосования одновременно 37 зарегистрированных кандидатов из списка политической партии «Единая Россия» отказались от получения депутатских мандатов [4];

2) технология «кандидатов-двойников», или «кандидатов-спойлеров», при использовании которой на выборах выдвигается и регистрируется кандидат, у которого фамилия, имя, отчество, должность, место работы или другие данные практически идентичны данным того кандидата, против которого выдвигается двойник. Такой кандидат не имеет шансов победить, но оттягивает на себя часть голосов избирателей. Ярким примером служит ситуация, возникшая в ходе выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, когда в одномандатном избирательном округе (г. Санкт-Петербург) произошло выдвижение трех кандидатов под именем Борис Вишневский, только один из которых имел реальное намерение избираться в качестве кандидата от политической партии «Яблоко» [5]. В политологии разработана классификация «кандидатов-двойников» в зависимости от роли и задач каждого из них: «двойник-тихоня» — человек, чья единственная цель заключается в присутствии в бюллетене для голосования, «двойник-provokator» — человек, имеющий аналогичные фамилию, имя, отчество, место работы, ведущий активную агитационную кампанию, «свой двойник» — свой человек, необходимый для создания эффекта альтернативности в случае снятия кандидатур другими кандидатами [6];

3) технология «политического астротурфинга» при проведении предвыборной агитации, которая предполагает манипулирование сознанием избирателей. Например, применяется практика, в которой происходит привлечение наемных работников, имитирующих массовую народную активность с целью влияния на общественное мнение;

4) технология «медиакратии» — влияния на сознание избирателей через средства массовой информации, различного рода инфлюенсеров и прочее с целью создания мнимых представлений о реальности и будущем [7, 8];

5) технология «джерримендеринга», при которой деление избирательных округов происходит с нарушением территориального принципа и неравным количеством избирателей для того, чтобы получить на выборах большинство, удобное определенной политической партии [9];

6) технология «петля Мавроди, или избирательная карусель», применяемая в день голосования. Происходит массовый подкуп избирателей с целью их голосования за определенного кандидата [2];

7) технология обхода лимита избирательного фонда при финансировании избирательной кампании может использоваться за счет выдвижения «дополнительных» кандидатов на том же избирательном округе;

8) проведение разного рода предвыборных лотерей, случайно совпадающих с агитационным периодом [6].

Подобное бесконтрольное применение политическими партиями «черных» политических технологий привело к самоустранению избирателей, к развитию абсентеизма, индифферентности, недоверию, не способствовало формированию политического суверенитета и развитию институтов демократии.

Конечно, в тот период, как и сейчас, также применялись политические технологии, облеченные в правовую форму, с помощью которых политические партии пытались сформировать общественное мнение и выразить политическую повестку дня. Это различные общественные и политические акции (митинги, шествия, собрания избирателей и прочее). Такие акции должны проводиться в формах и порядке, установленных в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Политические партии при организации и проведении публичных мероприятий имеют право проводить их в местах и в период времени, которые указаны в уведомлении, проводить предварительную агитацию, организовать сбор добровольных по-

жертвований, организовать сбор подписей под резолюциями, использовать соответствующую аппаратуру, получать содействие от органов публичной власти и представителей правоохранительных органов. При этом политические партии, деятельность которых приостановлена или запрещена, не могут быть организаторами публичных мероприятий. С развитием цифровых технологий возникают и новые формы публичных мероприятий, например онлайн-митинги [10] или флешмобы² [11].

Публичные мероприятия проводятся политическими партиями с целью формирования или влияния на общественное мнение по политическим вопросам. Такое влияние, как указывает М. В. Шмырев, осуществляется посредством использования приемов массовой коммуникации, публичного выступления, манипулирования массовыми настроениями, мотивацией групп общественности. Автор обращает внимание на широко применяемые технологии манипуляции общественным мнением, которые базируются на психологии толпы, теории и практике лидерства. Манипулятивное воздействие в ходе политических выступлений на митингах и демонстрациях осуществляется посредством таких приемов, как отождествление с аудиторией, искажение информации, фабрикация и подтасовка фактов, манипулятивная семантика, упрощение, повторение, стереотипизация, сенсационность [12].

С позиции правового регулирования существует запрет чрезмерного контроля и необоснованных ограничений свободного проведения публичных мероприятий, который предполагает:

1) запрет на отказ в проведении публичного мероприятия. Орган публичной власти не может запретить (не разрешить) проведение публичного мероприятия. Он вправе лишь предложить изменить место и (или) время его проведения, причем такое предложение обязательно должно быть мотивированным [13, 14];

2) в случае полного отказа в проведении публичного мероприятия политической партии должна быть гарантирована возможность обращения за защитой права на свободу мирных собраний в суд, который обязан в максимально короткий срок до даты проведения планируемого публичного мероприятия объективно и всесторонне оценить обоснованность такого отказа [15];

3) нейтральное отношение уполномоченного органа к политическим партиям по вопросу проведения публичного мероприятия. Не исключен протестный характер публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом. Как следствие, предполагается, что реагирование публичной власти на организацию и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования должно быть нейтральным, независимым от политических взглядов их инициаторов и участников [16];

4) запрет чрезмерного контроля и необоснованных ограничений свободного проведения публичных мероприятий. Законодательные, организационные и иные меры, предпринимаемые органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний, не должны приводить к чрезмерному государственному контролю за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженному с необоснованными ограничениями свободного проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования [17];

5) институт проведения встреч депутатов с избирателями. Посредством проведения таких встреч депутаты имеют возможность информировать избирателей о своей работе, а избиратели — возможность довести до сведения депутата свои пожелания относительно его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит. Что касается помещений, предоставляемых органами публичной власти для проведения встреч депутатов с избирателями, то их перечень должен определяться, принимая во внимание пешеходную и транспортную доступность для избирателей; при этом предполагается, что предоставление таких помещений производится без взимания платы в порядке очередности обращения за ними, но с учетом возможности установления приоритета, исходя из принадлежности депутата к более высокому уровню публичной власти и не может быть обусловлено его принадлежностью к политической партии или его политическими взглядами [18].

Для политических партий при использовании политических технологий установлен запрет на злоупотребление свободой массовой информации. Злоупотребление свободой массовой информа-

² Флешмоб — это заранее спланированная массовая акция, в которой группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (сценарий) и затем расходится.

ции может выражаться в тематике информации и в технических приемах ее изготовления и распространения (например, дипфейки, скрытые вставки, воздействующие на подсознание людей и оказывающие вредное влияние на их здоровье, распространение фейков [19]). За совершение таких деяний предусмотрена административная ответственность по ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

При распространении недостоверной или оскорбительной информации физические лица (кандидаты, депутаты) имеют право на защиту чести, достоинства и доброго имени, политические партии — деловой репутации. В свое время перед Конституционным Судом Российской Федерации был поставлен вопрос: как добиться в каждом конкретном случае, чтобы требования защиты чести и доброго имени не противоречили интересам свободной дискуссии по политическим проблемам в демократическом обществе? По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, решение указанного вопроса относится к компетенции судов общей юрисдикции. При рассмотрении в судах общей юрисдикции дел о защите чести и достоинства подлежит установлению и оценке не только достоверность, но и характер распространенных сведений, исходя из чего суд должен решать: наносит ли распространение сведений вред защищаемым Конституцией Российской Федерации ценностям, укладывается ли это в рамки политической дискуссии, как отграничить распространение недостоверной фактической информации от политических оценок и возможно ли их опровержение по суду [20].

Таким образом, особенность правового регулирования политических технологий связана с необходимостью учета психологических приемов манипуляции, а также постепенным сращиванием политических технологий с технологиями виртуальной реальности.

Постепенно партийная и избирательная реформа периода 2000–2010-х гг. (выдвижение кандидатов исключительно политическими партиями, заградительный барьер, вид избирательной системы на выборах в федеральный парламент, численность политической партии, отмена прямых выборов глав субъектов Российской Федерации) привела к трансформации партийной системы в России. В настоящее время, по оценкам конституционалистов, у нас сформировалась «партия власти», в политике такую систему называют «партийная система с доминированием одной партии», или «политический режим с доминантной партией». Следует отметить, что это тоже политическая технология. Такие системы возникают в государствах, перед которыми стоят задачи национальной интеграции, социально-экономической модернизации, формирования гражданского общества и включения широких масс населения в политическую жизнь [21, с. 149]. При этом политический режим с доминантной партией предполагает:

- 1) регулярное проведение выборов на альтернативной основе с участием более одной партии или кандидата;
- 2) непрерывное превосходство одной и той же политической силы над всеми остальными более трех электоральных циклов подряд;
- 3) непрерывное пребывание у власти в государстве одной и той же политической силы на протяжении как минимум нескольких электоральных циклов подряд [22, с. 235].

Поэтому партийные системы с доминированием одной партии в отличие от однопартийных характеризуются конкурентностью, т.е. наличием соперников у правящей партии, что само по себе является стимулом для мобилизации. Функциями доминантной партии следует считать:

- 1) «стабилизаторскую», направленную на устранение конфликтов между исполнительной и законодательной ветвями власти путем фактического подчинения парламента президенту через парламентское большинство партии власти;
- 2) «консолидационную», направленную на объединение управленческих, экономических, политических элит, поддерживающих президента и правительство [23].

В связи с этим доминантную партию отличает минимизация идеологического компонента и стремление охватить всю «повестку дня». Такая партия отвечает запросам медианного избирателя, что позволяет ей удерживаться у власти длительное время без поражений и прихода к власти ее политических оппонентов [22, с. 244–245].

Сегодня отмечается еще одна тенденция постепенной утраты традиционными политическими партиями своих позиций. Все больше появляется политических партий, не заявляющих о своих идео-

логических предпочтениях. В политической науке партии данного типа принято называть универсальными (catch-all parties, партии «хватай всех», всеохватные партии) [24]. Многочисленную группу составляют популистские политические партии — «партии одного вопроса». Популизм отличается склонностью к максимальному упрощению действительности, сведению ее к простым лозунгам и клише. Так появляются, например, экологические партии. К причинам, способствующим возникновению популизма, относятся мировые финансовые кризисы, глобализация, кризис традиционных партийных систем, размывание ценностей парламентаризма, развитие новых информационно-коммуникационных технологий [25].

Подытоживая настоящее исследование, отметим, что в демократическом государстве решение задач легализации и легитимации государственной власти, что непосредственно влияет на фортификацию политического суверенитета России, обеспечивает законная политическая борьба, основными участниками которой являются политические партии. В качестве средства преодоления кризисных явлений крайне важно усилить меры по обеспечению законной политической борьбы между политическими партиями в части применяемых ими политических технологий. Это, в свою очередь, требует межотраслевого подхода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зорькин В. Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 37–45.
2. Советников И. В. Злоупотребления правом в избирательном процессе. М. : ЧеРо, 2010. 124 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Разумовский В. Ю. Российская «партия власти» и региональная политическая элита — интересы, противоречия, перспективы // Сравнительная политика. 2021. № 2. С. 38–53.
4. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2004 № ГКПИ2004–1295 // Вестник Центризбиркома РФ. № 1. 2005.
5. О жалобе политической партии «Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия „ЯБЛОКО“» : Постановление ЦИК России от 24.09.2021 № 60/466–8 // Вестник ЦИК России. 2021. № 20.
6. Полуэктов В. Полевые и манипулятивные технологии: Настольная книга менеджера избирательных кампаний. М. : Русская панорама, 2003. 464 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Андреева Е. В., Выскребенцев И. С. Формирование информационно-манипулятивной демократии в России // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 88–103.
8. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек : Издательство КРСУ. 2002. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Политология: словарь-справочник / под ред. М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. М. : Гардарики. 2001. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 30–38.
11. Князева И. И. К вопросу о понятии и сущности флешмоба как одной из форм проведения публичных мероприятий // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 35–37.
12. Шмырев М. В. Публичные мероприятия как форма политической деятельности // Власть. 2008. № 12. С. 67–71.
13. По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 3 ч. 4 ст. 5 и п. 5 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С. А. Каткова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2012 № 12-П. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).
14. По делу о проверке конституционности п. 1 и 6 ст. 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан

М. С. Седовой и В. П. Терешонковой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.11.2019 № 33-П. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

15. По жалобе Камчатского краевого отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» на нарушение конституционных прав и свобод п. 2 и 5 ч. 2 ст. 4 Закона на Камчатского края «Об отдельных вопросах проведения публичных мероприятий в Камчатском крае» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.06.2020 № 1346-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2016 № 1428-О/2016. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 3089-О/2018. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

18. По делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2017 № 27-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 15.11.2017

19. Аничкин Е. С., Зубкова В. С. Фейки в период избирательных кампаний: правовой аспект // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 1. С. 23–28. <https://doi.org/10.14258/ralj> (2025) 1.4

20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.09.1995 № 69-О/1995. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

21. Мелешкина Е. Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 135–161.

22. Порошин А. В. Режим с доминантной партией как перспектива политической трансформации посткоммунистических государств // Политическая наука. 2014. № 3. С. 232–248.

23. Мухаметов Р. С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне // *Ars Administrandi*. 2015. № 1. С. 85–94.

24. Татаркин В. Е. Идеология политических партий в условиях реформирования партийной системы современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4. С. 39–44.

25. Глухова А. В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 33–61.